

О НЕВОЗМОЖНОМ

Мне с рождения было невозможно
стать чужим своей родной стране:

это внутривенно и подкожно –
это всё со мной и всё во мне.

Никуда от этого не деться:
как страну и власть ни перестрой,
это всё в меня запало с детства,
чтоб остаться до конца со мной.

С той молитвы деревенской бабы
о заветном самом – о своём:
«Господи, да только не война бы –
остальное всё переживём...»

23 ФЕВРАЛЯ

*Кто был студентом – видел юность,
кто был солдатом – видел жизнь...*

Я – дембель! Воротник уже расстёгнут.
Нам вслух приказ читает салажня...
Кто не служил, меня понять не смогут.
А кто служил, те вспомнят без меня.
Мы всё смогли и всё преодолели,
и на гражданке со слезой споём:
«Сурова жизнь, коль молодость в шинели,
а юность подпоясана ремнём».
Нам замполит о долге и о чести
высокие слова вбивал в умы,
но что такое «друг за друга вместе»,
по ходу службы понимали мы.
Не стоит, может, поминать под старость
тот дембельский прощальный ритуал:
сурова жизнь, коль связь времён распалась,
как та страна, которой присягал.
Но ведь и эта – не чужая чья-то,
ведь сердце не болит так о чужом,
и не бывает бывшего солдата,
когда он смотрит дембельский альбом...

ПУСТЬ ДАЖЕ БОЛЬ...

Евгению Жуйкову

Ах, друг мой ситный, как же я скучаю,
я по тебе скучаю, дорогой –
на кухоньке твоей за рюмкой чаю
давненько не сидели мы с тобой.
Как быстро догорали сигаретки,
пока скучала водка на столе,
и строчки пробивались, словно ветки
на розовом берёзовом стволе.
И за окошком в сумраке весёлом
так остро пахла первая листва
и намекала: с каждым нашим словом
всё больше будет спроса за слова.
Мы в том застолье, словно в споре яром,
усвоили и поняли одно,
что вместе с нашим очень скромным даром
великое страдание дано.
Так помолчим, как у родной могилы,
о будущем задумавшись опять:
пусть даже боль нам прибавляет силы –
кто не страдал, тому нас не понять...
А с бедами мы справимся со всеми –
ещё совсем не старые на вид,
ведь родина над нами, словно время,
весенними берёзами шумит.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

Не отдам отчаянью ни дня,
Выше силы воли – нет богатства:
три реанимации меня
научили, как за жизнь держаться.

Снова крепость обретай, рука,
прежней воли собирай остатки...
«Жизнь неотвратимо коротка!» –
понял я лишь на восьмом десятке...

БОСИКОМ

Я на драки извёл свой пыл,
с детства помня про встречный пал,
даже если в строю ходил,
то всегда на своём стоял.
Вспоминается часто мне
без ненужных тоски и слёз,
как я лихо летал во сне,
потому что так трудно рос.
А под старость другая стать
или, может, другая прыть:
я уже не хочу летать,
а хочу по воде ходить.
Чтоб отправиться налегке,
не жалея себя ничуть,
по любимой своей реке
босиком в свой последний путь...